

Люсия Веденская

ПЕСОЧНЫЙ ЗАМОК
для графини на пели

Люсия Веденская

**Песочный замок для
графини на мели**

«Литнет»

2025

Веденская Л.

Песочный замок для графини на мели / Л. Веденская —
«Литнет», 2025

Для спасателей шторм на Черном море — дело почти обычное. Но я не ожидала, что вместо мокрых туристов мне придется вытаскивать саму себя из викторианской Англии! Теперь я графиня с подмоченной репутацией. Изгнанная на край света, разоренная, с долгами по уши и одним очень скользким секретом: у меня появился рыбий хвост. Оказалось, что графиня — самая настоящая русалка: женственная, обольстительная и до ужаса не похожая на меня, собранную спасательницу в красном купальнике. Вернуться домой было бы неплохо. Но сначала нужно разобраться с разваливающимся особняком, кредиторами, одним поразительно привлекательным местным полицейским и тем, как вообще выжить во времени, рассказы о котором на уроках истории я пропустила.

© Веденская Л., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Как не уплыть на акуле за горизонт	5
Глава 2. Ничто не предвещало беды	8
Глава 3. Как рыба на берегу	11
Глава 4. Черный вход не требует приглашения	13
Глава 5. Можно мне другого медика?	16
Глава 6. Минутка на сон, ночь — на кошмары	18
Глава 7. Там, где одна беда, жди и другую	21
Глава 8. Дом, новый дом?	26
Глава 9. Вскормленный орел и другая классика	29
Глава 10. Герой не моего романа	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1. Как не уплыть на акуле за горизонт

Солнце пекло так, будто решило поджарить нас всех до хрустящей корочки. Пахло горячим песком, кремом для загара и кукурузой из лотка, за которым бабка на углу продавала с таким гордым выражением лица, словно лично спасала людей от голодной смерти.

Я сидела под красным зонтом и наблюдала за этим цирком. Мужчина средних лет, разомлевший на полотенце, напоминал мне залежавшуюся тушку курицы-гриль — никто ее не покупал, и она продолжала бесконечно жариться на вертеле. Рядом двое подростков копали яму с таким энтузиазмом, будто собирались пробиться до Австралии и попросить у кенгуру автограф.

Недалеко повстречалась и классика жанра: женщина в многослойной маске из тонального крема, очках «чтобы казаться моложе» и с надувным фламинго, в которого она еле втиснулась. Теперь же жертва маркетинга приближалась к воде, покачиваясь, как прима-балерина после трех рюмок шампанского.

Все это я наблюдала с привычным чувством: смесью скуки и готовности сорваться в любую секунду. Я всегда была готова к тому, что кто-то обязательно решит, что море любит глупцов. Ожидание очередной катастрофы от маленького до гигантского масштаба ощущалось бесконечным зудом на теле, словно я несколько дней не смывала с кожи песок.

Я вообще не слишком романтичная барышня, чтобы восхищаться морем и закатами. Для меня вода всегда была работой. Кто-то наверняка смотрел на волны и думал: «Ах, как красиво!» Я смотрела и думала: «Ну вот, опять кого-нибудь понесет за буйки, а я потом свежие синяки считать буду».

Не то чтобы я жалела о профессии. Хотя ирония у меня на лице прописана намертво, в душе я все-таки верила: лучше я таскаю из воды зазевавшихся отдыхающих, чем кто-то потом ищет тело по берегу. Работа не героическая, а скорее утомительная. Но кому-то же и ее выполнять надо, чтобы другим не пришлось делать что-то более страшное.

Я никогда не сидела на месте. В школе я пыталась заниматься всем сразу: волейбол, карате, биология, журналистика — и везде мне быстро надоедало. Только море держало рядом с собой. То ли потому, что оно тоже непостоянное, то ли потому, что оно всегда знало, как заткнуть мой вечно бурлящий мозг, но наши отношения не заканчивались.

Так что да, я стала спасателем, словно сама судьба велела мне взяться за эту работу. В красном купальнике (хотелось соответствовать образу из сериала детства), с рацией на поясе и вечным выражением лица в стиле «я тут не для того, чтобы вам улыбаться».

Сегодня, чтобы приступить к своим обязанностям, долго ждать не пришлось. Мальчишка лет пяти устроил заплыв века в надувном круге-акуле. Родители в это время, разумеется, обсуждали где-то под зонтом мировые проблемы (или, что вероятнее всего, цены на шаурму).

Круг отнесло чуть дальше, чем стоило купаться ребенка, мальчика уже вовсю болтало на волнах, и он теперь верещал так, будто на него напали самые настоящие акулы. Люди вокруг всполошились, но никто даже не двинулся в сторону тонущего — классика. Все только тарасились, как в кино.

Я прыгнула с вышки, оставив там рацию, добежала до воды и пошла к нему пешком, остановившись в воде едва ли не выше колена. Смешно, конечно: ребенка унесло буквально на пару метров от берега, вход в воду с которого был долгий и пологий. Но попробуй объясни это пятигодке, который уже мысленно писал завещание на свои пластмассовые машинки.

— Держись крепче, капитан, — я подхватила круг и развернула его к берегу. — В следующий раз в кризис без меня не плавай.

Он перестал реветь и даже улыбнулся сквозь сопли. Родители, наконец, соизволили подбежать, заохали, зацеловали драгоценного сына и вручили мне банку колы без сахара, как будто это и была самая большая моя мечта на сегодня.

Я лишь махнула рукой, все-таки приняв в дар холодную жестянку: мол, идите уже. В такие моменты я чувствовала себя не спасателем, а бесплатной няней с элементами аниматора в аквапарке.

Минут через десять после героя на акуле на горизонте нарисовалась новая беда, вернее, ходячая реклама солнечного удара. Девушка лет двадцати решила, что крем для загара — это развод фармацевтов, и уже краснела на солнце, как вареный рак. Шаталась по направлению к воде, но ноги заплетались.

Я встала и перехватила ее еще на песке.

— Девушка, все в порядке? — спросила я, хотя по ее лицу было понятно: ничего у нее в порядке не было.

Она махнула рукой, попыталась что-то сказать, но вышло только жалобное «уууф». Пришлось взять ее под локоть и довести до тени.

— Попейте воды, — сунула ей бутылку. — И давайте в следующий раз не устраивать гриль на людях.

Она кивнула, послушно сделала глоток и представилась:
 — Маша...

— Очень приятно, — ответила я. — Аня. Спасатель. По совместительству, видимо, ходячая служба здравого смысла.

Она слабо усмехнулась, и я оставила ее в тени, на попечении подруги, теперь время от времени посматривая на них, чтобы убедиться, что все в порядке.

Когда жара чуть спала, я позволила себе вытянуть ноги и наконец расслабиться. Пляж все еще кипел жизнью: дети визжали, чайки воровали чипсы, кто-то спорил о том, можно ли нырять с пирса. В общем, штатная суматоха.

— Ну что, живая? — знакомый голос раздался за спиной.

Я обернулась. Мой напарник Леха притащил к вышке битком набитый рюкзак и двухлитровую бутылку минералки. Сгоревший нос, вечно мятая футболка и общий потрепанный вид намекал, что тут он оказался по ошибке. Типичный Леха.

— Пока да, — ответила я. — Но если еще один ребенок решит провернуть побег в открытые воды, побою его родителей свистком. Или если кто-то попытается испечься прямо на песке...

Он фыркнул и протянул мне воду:
 — Ты сама как рак, между прочим. Плечи обгорели.

Я закатала глаза и полезла в свой рюкзак за одеждой. Натянула поверх купальника выцветшую белую футболку, завязала длинные светлые волосы в высокий хвост (так меньше мешались и не липли к плечам), и поднялась с места, потягиваясь. Макияжа у меня, как обычно, было ноль: все равно через час любая косметика смывалась соленой водой или моим потом. Единственное, что я обновила — слой SPF на носу и скулах. Хоть какая-то защита от того, чтобы к тридцати не выглядеть старше сорока.

— Вот теперь почти человек, — подколот Леха.

— А ты почти готов к работе, — огрызнулась я. — Смена-то моя может закончиться, или ты так и будешь притворяться случайным прохожим?

Он усмехнулся и быстро разделся, оставшись в одних только плавательных шортах, как будто только их наличие доказывало его готовность к работе. Я закинула полотенце на плечо, сунула свисток в карман шорт и махнула Лехе:

— Все, я свободна. Дежурь за нас обоих.

— Как всегда, — буркнул он и поудобнее устроился на вышке с видом человека, которого эксплуатируют лично ООН.

Я усмехнулась и уже сделала шаг по деревянным настилам к выходу с пляжа, но что-то заставило меня остановиться.

Море...

Оно вдруг стало другим. Совсем недавно блестело и переливалось, как дешевая мишура под солнцем, а теперь выглядело густым и тяжелым. Словно кто-то подменил воду: из прозрачной и легкой она стала свинцовой. На горизонте напознала темная полоса, ветер предупреждающе шевельнул волосы у висков, и в воздухе запахло сыростью.

Я нахмурилась. Туристы все еще смеялись, строили замки из песка и перекидывали друг другу початки горячей кукурузы, как будто ничего не менялось. Но я знала это чувство. Вода редко предупреждала словами, но всегда подавала знаки тем, кто умел их замечать.

— Эй, Лех, смотри в оба, — бросила я, не оборачиваясь. — Погода мне не нравится.

— Тебе вообще мало что нравится, — отозвался он, уже зевая.

Я только хмыкнула. И все равно, уходя по пляжу, то и дело оглядывалась на темный горизонт.

Глава 2. Ничто не предвещало беды

Домой я доползла, как после марафона, к которому даже не готовилась. Солнце будто выгрызло из меня последние силы, выжгло любую мотивацию, даже есть не хотелось, и единственным моим желанием было смыть с кожи соль и песок.

Душ менял напор воды чуть ли не ежесекундно, будто издеваясь: то обдавал кипятком, то резко переключался на самую низкую температуру, но я уже привыкла к его перепадам настроения. Можно было считать это контрастным душем, но я предпочитала и вовсе не обращать внимание на этот небольшой раздражающий факт. Вода стекала по плечам, и я почувствовала, как усталость хотя бы на немного отступает. Все равно завтра будет новая партия потенциальных «утопленников», но это проблемы завтрашнего дня и завтрашней меня.

Я промокнула волосы полотенцем, натянула свободную футболку и включила чайник. Кофе в турке варить не хотелось, поэтому растворимый был лучшим другом вечеров, когда глаза закрывались сами собой — он не действовал пробуждающее, скорее даже, наоборот, усыпительно, что сейчас меня полностью устраивало. Кружка быстро согрела ладони, и я, устроившись на стуле у окна, сделала первый глоток.

И тут меня обдало ощущением, что прогретый днем пляж, вся эта жара сегодняшнего дня и кукуруза остались в другой жизни. За окном уже вовсю бушевал шторм. Все происходящее за окном уже нельзя было назвать просто ветром, это оказался настоящий хищник, который рычал где-то на улице, и рык его слышался с каждой стороны света. На небе стягивались тучи, запирая даже намек на солнечный свет под серыми узлами, молнии мигали, словно чьи-то вспышки на огромной фотокамере. Я смотрела на это и чувствовала, как сердце от волнения бьется быстрее.

Море редко ошибалось: днем оно уже подало знак, а теперь предупреждение перешло в приговор.

В окно что-то грохнуло так, что я от неожиданности чуть не расплескала кофе. Ветка, сломанная ураганом, с силой прижалась к стеклу, как мокрая тряпка, и со скрежетом соскользнула вниз. Я выругалась — буря явно набирала обороты быстрее, чем я рассчитывала. И сколько бы я себе ни твердила, что сегодня я уже «отработала», внутри зудело другое: такие штормы случаются редко, и без происшествий они почти никогда не проходят.

Я кинулась к телефону, в рабочем чате уже кипело: короткие сообщения, обрывки координат, кто дежурит, кто добирается. Леха, судя по всему, оставался на пляже. А еще мелькнуло сообщение от кого-то из коллег: «Антон едет вне смены. Подхватчу его по дороге».

Антон был нашим негласным лидером, тоже спасателем с многолетним опытом. И если даже он решил сорваться вне смены, значит, дело действительно серьезное.

Мои пальцы сами набрали сообщение: «Я скоро вернусь на пляж. Уже выхожу». Отправила и тут же почти запрыгнула в джинсы и подхватила тонкую ветровку. С волос еще стекала вода после душа, но к фену я так и не успела притронуться. Да и какая разница? Все равно через пять минут ветер выжмет из меня все, как из тряпки, а ливень намочит заново — и так по кругу.

Я захлопнула дверь в квартиру, сунула ключи в карман и почти бегом кинулась к дороге. Ночь пахла солью моря и металлом грозы, и где-то внутри я уже знала: обратно я вернусь совсем другой.

К пляжу я добралась, будто меня сам ветер нес. Волосы прилипли к лицу, ветровку трепало, и каждый шаг по мокрому песку отдавался в коленях.

Вышка маячила впереди, и Леха все еще сидел там, обхватив руками перила, как будто лично держал оборону от урагана. Еще пара наших ребят мелькала вдоль линии берега, укрываясь от порывов ветра и переговариваясь через рацию.

— Как дела? — крикнула я вверх, перекрывая рев стихии.

Леха перегнулся через край, шурясь сквозь дождевые капли. — Пока тихо! — гаркнул он. — Но это только «пока». С такой погодкой гладко никогда не проходит. Ждем чего-нибудь в любую минуту.

Его слова утонули в гуле моря. Волны били о берег так, что казалось, сама земля дрожала.

Я поднялась на вышку, взяла бинокль и вцепилась в него пальцами, прижимая к лицу. Стекло было покрыто каплями, полностью закрывающими обзор. Я вытерла воду рукавом ветровки и снова всмотрелась в темнеющее море.

Там, где еще днем плескались дети в надувных кругах, теперь бушевала стена воды. Сначала казалось, что в этой темноте нет ничего живого. Но через секунду я почти готова была поклясться, что заметила какое-то движение...

Я снова прижала бинокль к глазам, и сердце рухнуло вниз. У воды действительно был человек.

Я отчетливо видела темную толстовку, капюшон наполовину сполз с головы. Он шел прямо к воде, пошатываясь, но не падал, продолжая упорно двигаться к воде, словно следуя зову шторма.

— Ты издеваешься? — буркнула я себе под нос. — Пьяный, что ли?..

Я оторвала бинокль и оглянулась: Леха стоял рядом, наблюдая за другой частью пляжа, остальные ребята растянулись вдоль линии берега, но все они были слишком далеко от этой странной фигуры и никто ее не видел. Только я.

— Отлично, конечно, — выдохнула я. — Спасибо, вселенная.

Особо не думая, я сорвалась с места. Песок под ногами уже давно стал мокрый и вязкий, будто тянул вниз. Я вылетела к воде и не поверила глазам. Таинственная фигура уже зашла в море. Волны обрушивались незнакомцу на грудь, он едва держался, но продолжал шагать вперед.

— Эй! Стой! — заорала я, но мой голос утонул в реве стихии.

Я рванула молнию на ветровке, скинула ее на песок, дернула джинсы вниз и с руганью запуталась в мокрой ткани. Чертова вернувшаяся мода на скинни. Освободилась, осталась в купальнике, вдохнула глубже и побежала в воду.

— Да повернись же ты, идиот! — закричала я, бросаясь в бушующие волны.

Едва я сделала несколько шагов вперед, волны уже били по ногам так, что приходилось держаться изо всех сил. Вода мгновенно стала выше колен, потом выше пояса. Дальше оставалось передвигаться только вплавь.

Соленая вода хлестнула в лицо, поток воды словно попытался оставить меня без скальпа, с силой оттянув волосы, а море гулко сомкнулось вокруг, словно я нырнула в пасть огромного зверя.

Я бросилась в холодную темноту. Руки резали воду, дыхание сбивалось, брызги соленой пены забивали рот и нос. На миг фигура исчезла из поля зрения, и сердце ухнуло куда-то в пятки.

«Только не утони, идиот. Только не сейчас».

И вдруг я снова увидела его голову, едва виднеющуюся над гребнями волн. На секунду облегчение прострелило тело.

«Еще жив, а, значит, я могу его достать,» — подумала я в то мгновение.

Но в тот же миг что-то навалилось на меня сверху. Волна, огромная, как стена, ударила прямо по мне, увлекая вниз. Мир перевернулся, белая пена сомкнулась над головой, и я уже не знала, где небо, а где дно.

Меня закрутило в вихре, словно в гигантской стиральной машине. Вода рванула в легкие, обжигая изнутри, будто я глотала раскаленное железо. Я выталкивала ее обратно, но каждый новый вдох был похож на пытку.

«Спокойно. Дышать не можешь — значит, плыви. Вдоль берега, не против течения,» — попыталась успокоить себя я.
Правила, которые я сама повторяла десяткам новичков, сейчас держали меня в живых.

Я рванулась в сторону: раз, другой. Вода только сильнее тянула вниз, скручивая руки и ноги невидимой веревкой. Легкие горели, тело тяжелело с каждым мгновением. В конце концов мир сжался до красных пятен под веками и гулко-го стука крови в висках.

Сознание ускользало, и я поняла: еще секунда — и я уже не всплыву.

Глава 3. Как рыба на берегу

Воздуха больше не осталось. Мир сжался до мучительной пустоты внутри груди и шума крови в висках. Я уже почти смирилась: так и останусь частью этой воды, растворюсь в ее мощных вихрях.

Но в какой-то момент тело будто взбесилось само по себе. Ноги ударили изо всех сил, еще раз, и еще. Я даже не поняла, как нашла в себе столько сил — просто толчок, еще толчок...

И вдруг у воды оказался камень. Не в смысле галька с пляжа, а огромный камень, выше меня ростом. Там, где должен был быть бесконечный пологий берег, меня швырнуло на что-то жесткое, неровное, с острыми гранями. Скала? Валун? Обрыв? Я не успела разобраться. Вода выбросила меня с яростью, как ненужную игрушку, и мир содрогнулся от боли, когда мое тело ударилось о каменную поверхность.

Последняя мысль оказалась нелепая и саркастичная: «ну вот, теперь я еще и рыба, выброшенная на берег».

А потом тьма сомкнулась окончательно.

Когда я пришла в себя, то сначала увидела только солнце. Оно жгло кожу так, что казалось, будто меня жарят на огромной сковородке. Воздух был сухим, соленым, пахнул водорослями и чем-то чужим. Я закашлялась, распахнула глаза и резко села.

Вокруг действительно расположились камни. Десятки, если не сотни гигантских глыб. Неровные, обжигающе горячие валуны были повсюду, куда ни глянь. Волны накатывали на них, разбиваясь о серую поверхность, и на брызгах играли радужные отблески. И только потом я заметила, что это не просто игра света. Вокруг валялись кусочки радужной, как будто цвета бензина, чешуи. Переливающейся, голубовато-золотой, слишком крупной, чтобы принадлежать какой-то знакомой мне рыбе.

И еще я заметила кровь: тонкую темную полосу, что тянулась по камням. Я дернулась, и резкая боль пронзила бедро и колено. Нога оказалась разбита, кожа содрана, все покрыто песком и пляжным мусором.

И вдруг нечто куда страшнее привычных травм пронзило мое сознание. Я не увидела купальник. На мне было платье. Длинное, напоминающее слоеный торт, будто из старого кино: шелк, кружево, органза. Конечно, все в грязи, в разодранных клочьях, но все еще неприлично роскошное для того, чтобы валяться на мокрых камнях.

Я выдохнула, чувствуя, как к горлу подступает нервный смешок.
 «Тепловой удар? Сотрясение? Возможно, меня ударило башкой сильнее, чем я думала. Галлюцинации ведь бывают разными, вполне возможно, что это просто последствия травмы,» — попыталась я утешить сама себя.

Пытаясь собраться с мыслями, я провела рукой по влажным спутанным волосам, в них застряли песок и водоросли. Мир плыл перед глазами, сердце колотилось, и только одно было ясно: это не мой пляж. Меня вынесло достаточно далеко от знакомых, изученных до мельчайшей песчинки пейзажей.

Я попробовала подняться и тут же села обратно. Нога ныла, словно в нее забили десяток ржавых гвоздей. Вторая вроде слушалась, но толку от этого было немного.

— Отлично, — пробормотала я сквозь зубы. — Хотя бы не все вокруг галлюцинация. Кровь точно настоящая.

Вдохнула глубже, стиснула зубы и все-таки поднялась. Пошатываясь, как после трех бессонных ночей подряд, я сделала шаг. Потом второй. Камни под ногами были скользкие от морской воды, но сухой воздух обжигал кожу, и я почувствовала, что почти высохла.

Только вот это *совсем не походило* на Сочи.

Солнце, да. Тепло, да. Но море выглядело чужим: темное, тяжелое, с острыми скалами, а не комфортными пляжами. Пейзаж больше напоминал картинки из путеводителя по Норвегии или Шотландии. Только я-то прекрасно знала, что до них вплавь не добраться.

Я подняла глаза и застыла. На обрыве, возвышаясь над камнями, виднелось весьма старое здание, серое и внушительное. Каменные стены, высокие и узкие окна, крыша, от которой веяло историей и чем-то вроде угрозы.

— Замок, — выдохнула я. — Конечно, замок. Куда ж еще могло меня вынести?

Голова закружилась, но я упрямо двинулась к склону. Лезть наверх казалось безумием, но ноги сами тащили вперед. Если это не галлюцинация, значит, где-то должен быть врач, пляжный спасатель или хоть кто-то. Если все же галлюцинация, то я еще больше, чем могла представить, нуждалась в помощи. И в объяснении, куда, черт побери, меня вынесло это море.

Подъем оказался мучением. Сначала я ползла по камням, цепляясь руками за острые выступы, потом спотыкалась на крутой тропе, больше похожей на козью, чем на человеческую. Каждый шаг отзывался болью в колене, и пару раз я едва не скатилась обратно вниз.

Жаркое солнце палило в спину, ветер хлестал по лицу резкими порывами с брызгами соленой воды, и вся эта дорога казалась бесконечной. Но шаг за шагом, ругань за руганью — и я выбралась наверх.

Здесь воздух казался совсем другим: плотным, густым, как будто небо давило сверху. Я выпрямилась и посмотрела на здание вблизи.

Нет, это был не просто дом. Огромное строение из серого камня, с узкими окнами и крышей, уходящей вверх остроконечными шпилями. Фасад изрезан трещинами, кое-где камень почернел, будто от плесени. Но все равно этот замок выглядел внушительно и пугающе.

Я прикусила губу. Такого я точно не могла видеть в реальности. Ни в Сочи, ни где бы то ни было поблизости.

В голове вспыхнула мысль: *«ну вот, теперь уже не просто тепловой удар — полноценное помешательство. Холодный компресс не спасет»*. Но ноги сами довели меня к высоким деревянным дверям, обитым металлическими заклепками.

Я остановилась прямо перед входом. Сердце стучало так, будто я снова плыла против течения. Постучать? Позвонить в домофон? Смешно. Я просто стояла, уставившись на темную поверхность двери, и никак не могла решиться поднять руку.

Глава 4. Черный вход не требует приглашения

Я стояла перед дверью, которая выглядела слишком внушительно, чтобы вообще надеяться на успех. Высокая, темная, обитая тяжелыми металлическими заклепками, она больше напоминала вход в крепость, чем в жилой дом.

Я подняла руку и постучала. Гулкий звук отозвался эхом где-то внутри, но никто не шелохнулся. Только чайки заорали над обрывом, будто высмеяли меня, а костяшки пальцев весьма ощутимо заныли.

— Ну конечно, — пробормотала я. — Кто вообще открывает такие двери по первому стуку? Тут же не подъезд и не ресепшн.

Я подождала еще минуту, потом попробовала толкнуть створку. Дерево даже не шелохнулось, будто за ним стоял бетонный блок. Я уперлась сильнее, сначала плечом, потом и всем весом своего тела, но результат остался тем же.

Холодный пот выступил на висках, и я отпрянула, не желая тратить последние крупницы сил на борьбу с этим недружелюбным зданием, которое вполне могло оказаться чьим-то домом. Чувство было такое, будто не я не смогла открыть дверь, а будто сама дверь отказалась впускать меня.

— Ладно, ясно, — разочарованно выдохнула я, признавая поражение и делая шаг назад. — Для не самых важных персон вход закрыт. Попробуем через черный ход, наверняка тут такой имеется...

Я повернула направо, прижимаясь к каменной стене. Замок оказался куда больше, чем выглядел снизу с берега. Серые стены тянулись вверх, словно хотели крышей уткнуться в небо, а узкие окна напоминали бойницы.

Платье мешало на каждом шагу. Подол цеплялся за сухую траву, к тому же колено заметно ныло, и я пару раз едва не свалилась обратно вниз по склону.

— Ну конечно, спасибо за квест, — бурчала я сквозь зубы, пробираясь сквозь невысокие, но весьма устойчивые заросли. — Мало того что в платье из бабушкиного сундука, так еще и по бурелому.

Я медленно продвигалась вдоль стены, пока каменистая тропа, опоясывающая здание, не вывела меня к другой двери. Она уже оказалась не такой парадной: пониже, без вычурных украшений, с простой железной ручкой, изъеденной временем. Но она все равно была достаточно массивная, чтобы называть ее «черным входом» казалось издевательством.

Я остановилась, переводя дыхание. Сердце стучало, колено пульсировало болью, но надежда теплилась: может, здесь мне откроют. Искать другие признаки цивилизации у меня уже не было сил.

Я снова постучала, правда, получилось чуть тише, чем в главный вход. Секунды тянулись, в ответ слышалось только завывание ветра.

— Ну конечно, — пробормотала я. — Даже черный ход в таких замках не для простых смертных.

Я положила ладонь на ручку и толкнула. Дверь с протяжным скрипом поддалась, будто нехотя, и приоткрылась внутрь.

Я замерла на пороге. Внутри пахло сыростью, камнем и чем-то вроде копченого мяса. Последний запах перебивал прочие и оказался вполне приятным, даже манящим: я поняла, что не просто смертельно устала и выбилась из сил, но еще и проголодалась. Я несмело ступила внутрь, и внутренняя прохлада здания ударила в лицо так резко, что я поежилась: после жгучего солнца воздух внутри показался почти ледяным.

Коридор выглядел длинным и пустым. Голые каменные стены, деревянные балки над головой, пара узких дверей по бокам с навесными замками. Я шагнула внутрь, дверь за спиной скрипнула входная дверь и закрылась, отрезав последние звуки моря.

Звук моих босых ног по каменному полу эхом отдавался в тишине. Время от времени мне попадались какие-то предметы: бочка с водой, старый сундук, керамический кувшин. Все выглядело так, будто здесь все-таки живут или, по крайней мере, изредка появляются... но где же все эти потенциальные спасители были теперь?

Я шла, пока коридор не вывел меня в просторное помещение.
 Это оказалась кухня, огромная, с потолком, теряющимся где-то во мраке. Десятки медных кастрюль висели рядами, в углу чернел массивный очаг, на длинных деревянных столах были разложены ножи, миски и прочая кухонная утварь.

Но я наконец-то увидела людей! Если только и они не были плодом моего воображения...

Три фигуры стояли у стола, повернувшись ко мне спинами. Судя по всему, две молодые девушки и пожилая женщина. Все трое одеты в длинные старомодные платья сдержанных оттенков серого, темно-зеленого, бурого. Они что-то оживленно обсуждали, но голоса их звучали напряженно.

Я замерла в тени дверного проема, прислушиваясь.

— ...опять исчезла, — раздраженно сказала одна из девушек. — И вернется, как всегда, будто ничего не произошло.

— Хозяйка у нас, видите ли, особенная, — вторая усмехнулась. — Хоть в море ныряй, хоть людей пугай своим нравом — ей все позволено.

Пожилая женщина шикнула на них, но в ее голосе тоже слышалось недовольство:
 — Тише вы! Мало ли, кто услышит...

Я почувствовала, как кровь прилила к лицу. Подслушивать было неловко, да и, в конце концов, мне явно требовалась помощь. И если это место не сон, то лучше было перестать прятаться.

Я прочистила горло и негромко сказала:

— Простите...

Никто не отреагировал.

— Простите, — повторила я чуть громче, делая шаг вперед.

Ноль реакции. Женщины все также шептались, перекидываясь колкими репликами, словно меня и не существовало.

Я стиснула зубы. Стоять как мебель и дальше я не собиралась.
 — Эй! — крикнула я громче, чем планировала. — Может, кто-нибудь объяснит, где я вообще?

Троица дернулась почти синхронно. Молодые девушки резко повернулись, их лица вытянулись в немом изумлении. Они уставились на меня, как на призрака. На секунду воцарилась гробовая тишина, и даже потрескивание углей в очаге показалось слишком громким. Пожилая женщина мимикой выразила несколько меньше удивления, но застыла не хуже мраморной статуи.

— Госпожа... — выдохнула одна из них, едва слышно.

И тут началось что-то совсем странное. Две девушки одновременно склонили головы, торопливо забормотали извинения и почти бегом выскользнули из кухни, будто их подгоняла неведомая сила. В помещении осталась только пожилая женщина и я.

Она выглядела все более смущенной и напуганной, теребила подол своего платья и не смела поднять на меня взгляд.

— Прошу простить, госпожа... мы не знали, что вы... — ее голос дрожал.

Я нахмурилась.
 — Подождите, — перебила я. — Я не... Мне нужна помощь. Есть тут врач? Или хотя бы одолжите телефон, чтобы я могла вызвать скорую?

Женщина подняла глаза, и мне стало ясно, что она совсем не понимает, что же я от нее хочу. В ее взгляде сквозило ужас, смешанный с недоверием. Она отступила на шаг назад, но все так же продолжала кланяться, тихо шепча извинения.

Я растерянно посмотрела на нее, понимая, что, видимо, никто другой мне все равно сейчас не сможет помочь.
 — Ладно, забудьте про скорую, — попыталась я говорить медленнее, отчетливее. — Может, аптечка? Йод, бинт? Мне бы хотя бы ногу перевязать...

В ответ я снова не услышала ничего дельного, только получила беспокойный взгляд и тихое, почти шепотом, повторяющееся извинение:
 — Простите... простите...

Я тяжело выдохнула. Голова кружилась, нога заныла сильнее, и все происходящее становилось лишь абсурднее.

Сотрясение, кислородное голодание, солнечный удар — все это вполне могло вызвать галлюцинации. Классика жанра. Вопрос только, мне привиделась эта женщина и я говорила с пустотой, или же она реальная, а вот я и двух слов связать не могла, чем и пугала ее?

— Ладно, — пробормотала я, пока все усилия были направлены на анализ сложившейся ситуации. — Вы хотя бы скажите, где я? Что это за место?

Женщина вздрогнула, опустила глаза и только снова пробормотала:
 — Простите, госпожа...

Я машинально хмыкнула:
 — Госпожа? Нет, я просто человек, которому срочно нужен врач.

Она опустила голову еще ниже, словно боялась даже смотреть на меня.

В животе что-то неприятно сжалось. Ощущение было такое, будто меня загнали в чужую пьесу, где все роли расписаны, а я понятия не имею, что должна говорить.

Я осторожно присела на ближайшую лавку, стараясь не скривиться от боли в ноге. Женщина все еще стояла напротив, сгорбившись, теребя подол и повторяя свое бесконечное «простите».

Глава 5. Можно мне другого медика?

Женщина по-прежнему стояла передо мной, теребя подол, но уже хотя бы не бормотала себе под нос. Впрочем, тишина на кухне длилась недолго: из коридора донеслись торопливые шаги и сбивчивые голоса, и через мгновение две девушки, те самые, что только что сбежали от меня, как от чумной, буквально вытолкнули силой в проем комнаты пожилого мужчину.

— Идите, идите же! — шептали они, толкая его за локти. — Она там... сама...

Мужчина недовольно фыркнул, но вошел на кухню, расправив плечи. Высокий, сухой, с лицом, изрезанным морщинами, он походил на человека, которого трудно удивить.

Его взгляд сразу упал на меня, явно оценивая масштаб катастрофы: мое разорванное платье, колено, заляпанное кровью, бедро, где алеющая ткань уже прилипла к коже.

— Госпожа... — тихо сказал он, но в его голосе не прозвучало испуга, только деловая сдержанность.

Он шагнул ближе, наклонился, и я обрадовалась тому, что хоть кто-то здесь видит не «призрака в платье», а живого человека, которому явно требовалась помощь.

— Воды, — велел он резко. — Кипяток. И чистое полотно. Живо!

Девушки, которые все еще маячили в дверях, сорвались с места. В кухне загремела посуда, в очаг полетели поленья, кто-то зашумел у бочек с водой.

Я моргнула.
— Подождите, вы... вы меня поняли? — спросила я глупо. — Я же сказала про аптечку, а вы...

— Подождите немного, — вежливо, но категорично отрезал он. — Рана грязная. Если не смыть — будет хуже.

И на этом все, больше он не удостоил меня ни вопросами, ни другими лишними словами слов. Будто в его мире (как, собственно, и в моем) кровь и содранная кожа были делом обыденным.

Я села ровнее, сжав зубы. Запахло дымом из ретро-печки, где мне грели воду. А еще чем-то еще, тревожно знакомым: как перед медицинской процедурой, только без антисептиков и шприцев.

Если это была галлюцинация, мозг уж слишком подробно прописал детали. Можно было даже гордиться такой богатой фантазией! А я еще всегда считала себя человеком, далеким от творчества...

Мужчина поставил на стол керамическую миску, в которую молодая девушка уже плеснула кипяток. Пар взвился клубами, запах чистой горячей воды и золы из очага смешался в воздухе.

— Сюда, — коротко велел он, показывая на лавку ближе к свету.

Я подчинилась, хотя внутри все сопротивлялось. Я ведь должна была видеть белый свет, слышать врачей, скорую сирену — что угодно. А вместо этого сидела на какой-то доисторической кухне с людьми, будто сошедшими с фотографий реконструкции. Может, это какой-то музей? Но ни о чем подобном я не слышала, хотя уже несколько лет жила на побережье...

Мужчина наклонился, осмотрел ногу, не прикасаясь ко мне. Потом оторвал кусок ткани, смочил его в кипятке и кивнул:
— Держитесь. Будет больно.

— А до этого, значит, было приятно? — вырвалось у меня.

Он даже не улыбнулся, просто уверенным движением приложил горячую ткань к коже, в опасной близости от самой раны. Я зашипела, сжала зубы и вцепилась пальцами в край лавки. Боль полоснула так, что перед глазами поплыли белые круги. Казалось, он не промакивает рану, а выжигает ее.

— Нужно смыть грязь, — сухо сказал он, будто оправдывался перед самим собой. — Терпите.

Кипяток обжигал травмированную ногу, но вместе с ним уходило и все то, что причиняло куда большую боль: песок, соль, липкая кровь. Я чувствовала, как ткань скользит по разодранной коже, и каждое движение отзывалось в теле огнем.

Девушки стояли рядом, молча, передавая куски чистой ткани друг за другом. Пожилая женщина теребила руки, снова по кругу повторяя свое вечное «простите», но я уже не слушала.

— Все, — наконец сказал он, отбрасывая в сторону очередную окровавленную тряпку. — Дальше само заживет.

Он перевязал ногу последним отрезом чистой сухой ткани, сделав это туго, но аккуратно. Я сглотнула, выдохнула и, наконец, смогла снова открыть глаза, которые, как выяснилось, зажмурила на время в конце всех манипуляций.

— Спасибо, — пробормотала я. — Хотя вы что-то сделали. А теперь, может, все-таки объясните, где я?

Мужчина посмотрел на меня долгим взглядом. Наконец-то это был взгляд, в котором не читался страх, только усталость и непонятная осторожность.

— Вы дома, госпожа, — тихо сказал он, чем разрушил мою едва-едва зародившуюся надежду на нормальный диалог. — Там, где вам и положено быть.

Я моргнула и прищурилась, потом еще раз, словно это могло помочь уловить в его словах хоть крупицу смысла.

— «Дома»? — переспросила я. — Это вообще где? Вы понимаете, что мне нужно в город? В больницу, к врачу... или хотя бы к телефону?

Он не ответил сразу, окинул меня взглядом — от спутанных волос до разодранного подола — и пожал плечами: — Здесь нет ничего ближе, чем ваш дом.

Я открыла рот, но так и не нашла, что возразить.

Попробовала встать, проверить, держит ли нога. Перевязка тянула кожу, но боль теперь была терпимой. Я сделала шаг, потом второй. Мужчина кивнул спокойно, будто убедился в том, что его работа выполнена.

— Пройдет, — сказал он. — Через пару недель и следа не останется.

Через пару недель?! У меня в голове закрутился настоящий вихрь: что за «госпожа», почему все носятся вокруг, как будто я местная злая королева этой Страны чудес, и главное, почему они считают нормальным, что я хожу в таком платье, с разбитым коленом и без телефона? Впрочем, сами они одеты были не сильно лучше — чище, да, но уж точно не современнее.

Я хотела задать еще десяток вопросов, но в этот момент вернулись девушки. Они вдвоем держали не слишком большой поднос: на нем располагилась грубая деревянная миска с чем-то горячим, похожим на похлебку, и кусок хлеба, черствого на вид, но такого ароматного, что у меня в животе предательски заурчало.

— Госпожа, — пробормотала одна из них, не поднимая глаз.

Они поставили еду на стол и тут же торопливо отступили, склонив головы, будто я могла их укусить. Я уставилась на миску. Пар щекотал нос, пахло луком, мясом и картошкой. Нереально вкусно и реалистично. Если это тоже была часть галлюцинации, то мой мозг заслуживал премию за внимание к деталям.

Впрочем, отказываться от угощения я не стала, зачерпнула первую ложку и смело попробовала. Еда оказалась горячей, почти обжигающей язык, в меру соленой и невероятно вкусной.

— Значит, все-таки реальность, — пробормотала я, глядя то на миску, то на перевязанную ногу.

Мужчина в ответ лишь кивнул, как будто услышал правильный вывод. Девушки стояли в дверях, не смея шелохнуться. Пожилая женщина все еще теребила подол и смотрела в пол.

И тут мне стало страшно по-настоящему. Потому что, если это не сон и не сотрясение... то где же, черт возьми, я находилась?

Глава 6. Минутка на сон, ночь — на кошмары

На кухне стало тише, когда пожилой мужчина ушел, унося окровавленные полотна. На пляже рана не казалась такой серьезной, поэтому теперь, увидев количество своей же крови, я тихо порадовалась, что нашла хоть какую-то помощь. Девушки переминались у стены, не решаясь заговорить, а я сидела за столом, вцепившись в ложку, будто от нее зависела моя жизнь.

Первой очнулась пожилая женщина, та, что все время теребила подол. В нее словно вселилась уверенность, ранее ей не присущая. Она сделала шаг вперед, поклонилась и произнесла почти шепотом, но решительно: **
** — Госпоже нужен покой. Я распоряжусь, чтобы приготовили спальню.

— Подождите, — попыталась возразить я. — Мне не нужно... спальня, покой... мне нужен... — Я запнулась. Что я могла сказать? Телефон? Вызов эвакуатора? Карту Google? Все это звучало как абсурдный набор слов, они ведь явно игнорировали все мои вопросы.

Женщина чуть склонила голову, словно приняла воцарившееся молчание за согласие, и торопливо вышла. Остальные тоже зашевелились, как муравьи в разворошенном гнезде: кто-то уносил миску, кто-то подбрасывал дрова в очаг, кто-то успевал шепнуть что-то в углу, перехватив внимание «коллеги».

Я хотела что-то сказать, но язык вдруг стал ватным, а тело совсем уж непослушным. Усталость навалилась лавиной. **
** Никогда прежде я не чувствовала ее так настолько отчетливо: будто мышцы больше не принадлежат мне, а голова становилась настолько тяжелой, что грозила опуститься ниже плеч и безвольно повиснуть.

Я уронила ложку, которую до этого не выпускала из рук, на стол. **
** — Ладно, — пробормотала я, уже не различая звуков собственного голоса. — Пусть будет спальня. Только без фанатизма, совсем немного отдохну и свяжусь с командой.

Стол перед глазами двоился, звуки кухни растягивались и гудели, как под водой. Я облокотилась на локоть, и этот простой жест потребовал последних моих сил.

Мир плыл. Море в голове шумело, как будто вернулся шторм и снова набросился на меня высокими волнами.

Когда я была готова окончательно отключиться, меня подняли с лавки мягко, но уверенно. Две молодые девушки, те самые, что прежде шарахались от меня, теперь вели под руки с осторожностью, будто я могла рассыпаться на осколки. Я попыталась возразить, но голос прозвучал неуверенно:

— Я сама дойду...

— Госпоже нельзя идти одной, — ответила одна из них тихо, и от этого «госпоже» веяло таким почтением, что спорить расхотелось.

Мы вышли из кухни в коридор. Воздух там был прохладнее, стены оказались каменными, гладкие, влажные от долгого соседства с морем. Звук моих босых шагов эхом отдавался под сводами, а где-то вдалеке потрескивал огонь и скрипели двери.

Я чувствовала, как глаза слипаются. Каждое движение казалось замедленным и нереальным, как во сне.

Через пару поворотов и короткую лестницу мы оказались перед высокой дверью. Одна из девушек толкнула ее плечом, и створка тихо распахнулась.

Внутри оказалось совсем не так мрачно, как я ожидала. Большая комната, освещенная закатным светом из огромного окна и жаром камина. Широкая кровать под балдахином, темные шторы, массивная мебель — все выглядело как в доростоящем историческом фильме, но было настолько реально, что у меня не осталось сил на скепсис.

— Госпожа отдохнет здесь, — миролюбиво произнесла вторая девушка, подводя меня к кровати.

Они даже помогли снять платье. Я, наверное, должна была возмутиться, но сон манил к себе куда сильнее, чем ощущался стыд. Кожа ныла от соли и усталости, давно высохшие волосы частично прилипли к спине, а руки казались чужими. Девушки развернули что-то легкое и тонкое, как оказалось, ночную рубашку из тончайшей ткани, и я послушно подняла руки, повинаясь их направляющим жестам.

— Да уж, — пробормотала я, натягивая ее через голову. — Хоть что-то чистое. Спасибо. Они молча склонились, поправили подушки и отступили к дверям.

Я опустила на край кровати. Ткань простыней была прохладной и пахла лавандой, а за спиной что-то тихо потрескивало, кажется, поленья в камине, но я уже не осознавала ни источников звуков, ни других особенностей окружающего меня пространства.

Но мой взгляд все же зацепился за окно.
Огромное, почти во всю стену, оно выходило прямо на обрыв. За ним виднелось бескрайнее море, будто отлитое из стали. Ни огоньков, ни лодок, ни буйков — признаков цивилизации не виднелось, только чернота, контрастирующая с ярким горизонтом.

Меня обдало внезапным, необъяснимым спокойствием и страхом одновременно.

Я еще раз моргнула, пытаюсь сфокусироваться, и в следующее мгновение сон просто накрыл меня: густой и тяжелый, как прилив, с которым бесполезно бороться.

Мне снилось море.
Но не то, в котором я тонула. Не то, что знала всю жизнь — живое, соленое, теплое летом и сердитое зимой. Это море было другим. Оно не шумело, а почти естественно дышало.

Вода в этом сне была черной, но не пустой и безжизненной. В ней блестело нечто золотое, как лунная дорожка, только под водой.
Я стояла на поверхности, на пляже у кромки воды, босая и бесстрашная, а волны едва касались моих ступней, почти поглаживая по коже, будто признавая во мне кого-то своего.

Послышались голоса, сначала тихие, но потом они зазвучали громче. Но отдельных слов было не разобрать, скорее это было мычание какой-то мелодии, то низкое, то резкое, похожее на пение, если бы петь мог сам океан.
Сначала я решила, что это ветер. Потом — что это кровь в ушах. Но звуки складывались в весьма конкретное обращение.
Кто-то звал меня.
Я попыталась спросить: «Кто вы?», но рот наполнился соленой водой, когда я в одно мгновение оказалась на глубине. Но в этот раз вода меня не душила, а, наоборот, будто стала воздухом, прохладным и легким.
Я нырнула, не задумываясь, и подо мной открылся целый мир: густая глубина, золотые нити света, медленно качающиеся в водной толще силуэты.

— Проснитесь, — шепнул кто-то прямо в ухо.

Я рванулась вверх и очнулась.

Тело дрожало от холода. Простыни прилипли к коже. Волосы оказались мокрыми, как будто я только что вышла из воды. От них отчетливо тянуло солью.

В окно врвался холодный ветер. Оно было настежь распахнуто, хотя я помнила, что рассматривала я его, когда створки были плотно закрыты. Луна отражалась в волнах, и море под ней было таким же, как во сне — черным и живым.

Я села, вцепившись пальцами в одеяло, и заметила на полу мокрые следы. Узкие, тонкие следы ног, ведущие от кровати к окну.

Я сглотнула.

— Отлично, — прошептала я. — Теперь я не только тону во сне, но и лунатю.

Но внутри, где-то глубоко, пульсировало то же ощущение, что и во сне: будто кто-то все еще звал меня из воды.

Я спустила ноги на пол, чувствуя кожей, какой холодный, каменный, шершавый. Вода действительно была настоящей: мокрые следы оставались и от моих ступней.

Я поднялась, хромая, и обвела взглядом комнату. В полумраке все выглядело чужим: тени мебели вытягивались, шторы шевелились от ветра, где-то потрескивал камин. Я нащупала стену, проводя рукой в поисках выключателя — привычным движением, почти автоматическим.

Конечно, никакой кнопки не оказалось. Ни верхнего света, ни фонарика, ни даже призна электричества.

Пальцы наткнулись лишь на металлический держатель у двери. Канделябр. Несколько свечей, из которых догорела только одна.

Я дрожащими руками зажгла ее фитиль от огня в камине. Пламя колыхнулось, отбрасывая неровный золотой свет на стены, до которых огонь камина раньше не дотягивался.

И в этот миг я ясно увидела: следы на полу были не просто мокрые. Они сияли, пусть едва заметно, но все же золотым свечением, будто кто-то рассыпал блески.

Глава 7. Там, где одна беда, жди и другую

Проснулась я с ощущением, что меня всю ночь кто-то методично перекладывал с одного камня на другой, проверяя, насколько я вообще живая. Тело ныло так, будто вчерашние скалы решили не ограничиваться одним знакомством и теперь требовали продолжения общения.

Я не сразу открыла глаза, потому что в голове еще плавали обрывки сна — темная вода, чужие голоса, ощущение, будто меня куда-то тянули. Но стоило вдохнуть чуть глубже, как реальность быстро напомнила о себе: запах лаванды, плотная тишина и непривычная мягкость постели.

— Ну конечно, — пробормотала я, открывая глаза. — Все на месте. Замок, кровать, чужая жизнь. Доброе утро, Аня.

Потолок надо мной был все тот же — высокий, с темными балками, как будто над моей головой решили собрать музей старинной архитектуры. Никаких намеков на вчерашний шторм, ни следа мокрых следов, ни ветра, который ночью трепал шторы. Все выглядело так, будто я просто легла спать после тяжелого дня и... проснулась в том же кошмаре.

Я медленно приподнялась на локтях и тут же поморщилась — тело отозвалось тянущей болью, но уже терпимой. Перевязка на ноге держалась, значит, вчерашний «врач» мне не придался.

А вот дальше началось самое неприятное.

Я опустила взгляд на себя и на секунду зависла, потому что мозг отказался сразу обрабатывать увиденное. На мне не было ни платья, ни даже намека на привычную одежду — только тонкая ночная рубашка, настолько легкая и прозрачная, что, кажется, ее создавали исключительно для того, чтобы женщина чувствовала себя максимально уязвимой в любой жизненной ситуации.

Кружево на рукавах, тонкие ленты, ткань, которая холодила кожу и совершенно не скрывала того, что хотелось бы скрыть хотя бы перед посторонними.

— О господи... — выдохнула я, машинально подтягивая край к плечам. — Прекрасно. Просто прекрасно.

Я быстро огляделась в поисках хоть чего-то, чем можно было бы прикрыться, и увидела на спинке кресла тяжелую темную вещь. Пальто. Не изящное и совсем не «графское», а скорее грубое, плотное, будто его шили не для красоты, а для того, чтобы человек не замерз и не задавал лишних вопросов.

Я почти с облегчением схватила его и накинула на себя, закутываясь так, будто собиралась пережить не просто утро, а полноценную эвакуацию.

— Вот так уже лучше, — пробормотала я, завязывая пояс. — Хотя бы не как призрак с элементами кружевного недоразумения.

Я как раз собиралась встать и решить, что делать дальше — искать людей, выяснять, где я, или просто сесть и еще раз все обдумать, — когда дверь распахнулась.

Не с вежливым стуком, как это обычно бывает у людей, которые уважают личное пространство. Просто резко, с глухим ударом о стену, как будто кто-то решил, что утро — это лучшее время для вторжения.

Я вздрогнула и обернулась. В комнату вошли трое мужчин.

Одинаково темная одежда, плотная ткань, металлические пуговицы, сапоги, которые звучали по каменному полу слишком уверенно. Они не выглядели ни слугами, ни случайными гостями, и уж точно не были теми, кто пришел предложить мне завтрак в постель.

— Эм... — начала я, прижимая пальто к груди. — У нас тут вообще принято стучаться, или это новая форма утренней зарядки?

Они не улыбнулись. Вообще.

Один из них — тот, что стоял чуть впереди, — окинул меня быстрым взглядом, в котором не было ни смущения, ни интереса, ни даже намека на сочувствие к моему внешнему виду. Просто оценка: жива, стоит, разговаривает.

— Графиня Корделия Марлоу-Сэндклифф, — произнес он ровным, сухим голосом.

Я моргнула.

— Ну... допустим, — осторожно ответила я. — Хотя мы с этим еще не до конца разобрались.

— Я сержант Бриггс, — продолжил он, не реагируя на мой тон, — это констебли Харпер и Миллс.

Он кивнул на двоих позади себя, и те синхронно сделали шаг вперед, словно подтверждая, что да, они действительно существуют и, видимо, при исполнении.

Я мысленно отметила: сержант, констебли.

Полиция, значит. Или их местная версия.

— Отлично, — пробормотала я себе под нос. — Значит, все-таки не жандармы. Уже прогресс.

— Прошу прощения? — переспросил один из констеблей.

— Да ничего, — отмахнулась я. — Просто пытаюсь понять, в какую эпоху я попала и как у вас тут называется полиция. Вы, значит, констебли. Хорошо. Записали.

Сержант Бриггс никак это не прокомментировал, словно подобные реплики входили в его ежедневный список раздражителей, и он давно перестал на них реагировать.

— Вам предписано явиться для разъяснений, — продолжил он тем же тоном. — Вы проигнорировали три повестки магистрата.

Я уставилась на него, пытаюсь осмыслить услышанное:

— Простите, какие повестки?

— Вам направлялись уведомления о необходимости явки, — уточнил он. — Вы не явились ни разу.

— А вы уверены, что отправляли их по правильному адресу? — спросила я. — Потому что я, например, вчера очнулась на камнях у моря, и, как ни странно, никаких повесток при мне не было.

Констебли переглянулись. Сержант никак не отреагировал.

— Вы задержаны за неявку и нарушение предписания магистрата, — сказал он, будто читая по памяти. — Вам необходимо проследовать с нами.

Я медленно выдохнула.

— Подождите, — я подняла руку. — Давайте еще раз, спокойно. Вы сейчас серьезно пришли забирать меня... за то, что я не пришла туда, куда я не знала, что должна прийти?

— Вы были уведомлены, — повторил он.

— Я не была.

— Это будет установлено.

— Замечательно. Давайте установим прямо сейчас. Я не помню ничего. Ни повесток, ни магистрата, ни... — я обвела рукой комнату, — вообще ничего из того, что вы сейчас говорите. Так что, если вы рассчитываете на осознанное сотрудничество, у нас тут небольшая проблема.

На секунду в комнате повисла тишина. Не неловкая, а тяжелая, как перед тем, как кто-то решает, стоит ли продолжать разговор или перейти к более простым методам.

— Ваша память не освобождает вас от обязательств, миледи, — наконец произнес сержант. — Следуйте с нами.

Я опустила взгляд на свое пальто, потом снова на него:

— Вы серьезно считаете, что я сейчас одета?

Он коротко кивнул на женщину, стоявшую у двери, которую я до этого даже не заметила. Та самая пожилая, с кухни. Она уже держала в руках это самое пальто и, кажется, только ждала разрешения вмешаться.

— Помогите госпоже, — бросил сержант. — На переодевания нет времени.

Женщина тут же подошла ко мне, осторожно поправила ворот, подтянула ткань, стараясь не смотреть мне в глаза.

— Простите, госпожа... — прошептала она.

— Да ладно, — вздохнула я. — Сегодня, кажется, у всех странное утро.

Я затянула пояс пальто крепче и снова повернулась к мужчинам.

— Хорошо, — сказала я. — Допустим, я никуда не явилась, и вы решили за мной прийти лично. Но, может, вы хотя бы скажете, куда именно меня ведете?

— В полицейскую станцию, — ответил один из констеблей.

Я кивнула:

— Ну конечно. Куда же еще. Утро, чай, допрос. Все по классике.

Я провела рукой по лицу и вдруг поняла, что внутри начинает подниматься то самое чувство, которое я обычно испытывала перед сложным спасением: смесь злости, адреналина и понимания, что сейчас будет не до шуток.

— Ладно, — сказала я уже спокойнее. — Ведите.

Но меня не повели — меня сопроводили. Разница, как выяснилось, была не столько в словах, сколько в ощущениях: идти я могла сама, но при этом прекрасно понимала, что если вдруг решу свернуть куда-то не туда, меня очень быстро вернут в нужное направление. Без обсуждений и без права на альтернативный маршрут.

Мы вышли в коридор, потом по лестнице вниз, и я поймала себя на том, что впервые вижу этот замок не как случайный кошмар, а как место, в котором, похоже, действительно жила.

Каменные стены, чуть влажные на ощупь, узкие окна, через которые пробивался серый утренний свет, тяжелые двери с коваными ручками — все это выглядело не музейной декорацией, а рабочей средой, в которой кто-то каждый день ходит, живет, ругается, варит еду и, видимо, игнорирует повестки магистрата.

— Прекрасно, — пробормотала я себе под нос. — Значит, я не просто попала в прошлое, я еще и местная проблемная жительница.

Никто не отреагировал. Либо привыкли, либо решили, что разговаривающая сама с собой графиня не самая большая их сегодняшняя проблема.

Во дворе меня ждал экипаж.

Закрытый, темный, с тяжелыми дверцами и маленькими окошками, больше похожими на намеки на свет, чем на полноценный обзор. Лошади стояли спокойно, как будто каждый день возили таких, как я, и давно перестали удивляться человеческим драмам.

— Ну конечно, — тихо выдохнула я. — Конная версия автозака. Все логично.

— Прошу, миледи, — сказал один из констеблей, открывая дверцу.

Я остановилась на секунду, глядя внутрь, и подумала, что в другой ситуации, возможно, попыталась бы поспорить, потянуть время, задать еще пару вопросов. Но сейчас в голове было слишком много всего сразу: чужое имя, долги, повестки, магистрат и странное ощущение, что если я сейчас начну сопротивляться, это закончится куда менее вежливо, чем началось.

— Ну, если уж приглашают, — пробормотала я и забралась внутрь.

Сиденье оказалось жестким, обитым грубой тканью, которая явно не знала, что такое комфорт. Я устроилась, подтянула полы пальто и постаралась не думать о том, как я выгляжу со стороны: босая, в ночной рубашке под тяжелой тканью, с растрепанными волосами и выражением лица человека, который вчера спасал людей из воды, а сегодня едет в неизвестном направлении в компании местной полиции.

Дверца захлопнулась, и мир сузился до тесного пространства экипажа.

Снаружи слышались шаги, короткие команды, скрип упряжи, и через мгновение экипаж тронулся.

Сначала медленно, потом увереннее, и копыта начали отбивать ритм, который неожиданно быстро стал убаюкивающим.

Я откинулась на спинку и прикрыла глаза на секунду, но тут же открыла их снова.

— Нет уж, — пробормотала я. — Спать в автозаке — это уже слишком.

Вместо этого я наклонилась к маленькому окошку и попыталась рассмотреть, куда меня везут.

Сначала мелькнули стены замка, потом — узкая дорога, уходящая вниз, к морю. Пейзаж открывался постепенно, словно кто-то медленно раздвигал занавес.

И вот тут я замерла.

Побережье было таким красивым.

Это уже оказался не пляж с зонтиками и кукурузой, к которому я привыкла, а другим — более строгим, почти суровым. Каменистые участки сменялись полосами светлого песка, вода была темной, плотной, как будто в ней было больше глубины, чем на самом деле. Вдоль берега тянулись небольшие домики, аккуратные, с черепичными крышами, и кое-где виднелись постройки, похожие на купальни или павильоны.

— Ого, — тихо сказала я, сама не заметив. — Да у вас тут курорт намечается.

Экипаж проехал мимо длинной деревянной конструкции на колесах, стоящей у воды. Я прищурилась, пытаюсь понять, что это такое.

— Это что еще... домик на колесах для интровертов? — пробормотала я.

Один из констеблей, сидевший напротив, бросил на меня короткий взгляд:

— Купальная машина, миледи.

— Купальная... что?

— Для дам, — добавил он, будто это объясняло все.

— Конечно, — кивнула я. — Логично. Чтобы, видимо, не дай бог кто-то увидел, как они заходят в воду.

Я откинулась назад, чувствуя, как внутри медленно начинает складываться картинка.

Море. Курорт. Купальные машины. Графиня с долгами.

— Замечательно, — пробормотала я. — Просто великолепно. Я не просто попала в прошлое, я попала в место, где из меня потенциально можно сделать бизнес.

Мы ехали дальше вдоль побережья, и я ловила себя на том, что начинаю автоматически оценивать происходящее так, как делала это на работе.

Где удобный вход в воду. Где опасные участки. Где течение может утянуть человека за пару секунд. Где можно поставить вышку. Где — спасательный пост. Где — лежаки, если бы это был нормальный пляж, а не... вот это все.

— Стоп, — одернула я себя. — Ты едешь в полицию. Какая еще инфраструктура.

Но мысль уже зацепилась.

Берег тянулся на километры. Почти пустой. Почти нетронутый.

И если это действительно принадлежит той самой графине, которой я, по какой-то странной прихоти судьбы, теперь числюсь...

— Так, — тихо сказала я. — Об этом мы подумаем потом. Если меня не посадят раньше.

Экипаж свернул с прибрежной дороги и въехал в город.

Здесь было шумнее, но не так, как я привыкла. Никаких машин, никакой суеты мегаполиса — только люди, телеги, редкие экипажи и странное ощущение, будто время здесь течет иначе, медленнее, но при этом не менее напряженно.

Дома стояли плотнее, улицы были уже, а запахи — сильнее: дым, хлеб, рыба, влажная ткань, что-то пряное и что-то откровенно неприятное.

— Уютно, — пробормотала я. — Если не дышать.

— Мы почти прибыли, — сказал один из констеблей.

Я кивнула, хотя он на меня не смотрел.

— Отлично. А то я уже начала привыкать.

Экипаж остановился.

Снаружи слышались шаги, дверцу открыли, и в лицо ударил прохладный воздух.

Я выбралась наружу и подняла взгляд.

Здание передо мной выглядело так, как я и ожидала: каменное, строгое, без намека на уют, с тяжелой дверью и табличкой, смысл которой я не разобрала, но которая явно сообщала всем окружающим, что здесь не шутят.

— Полицейская станция, — сухо произнес констебль, словно читая мои мысли.

— А я уж думала, библиотека, — ответила я. — Спасибо, что уточнили.

Я сделала шаг вперед и вдруг поймала себя на странном ощущении.

Еще вчера я вытаскивала из воды детей на надувных акулах.

Сегодня я стою перед дверью местной полиции в чужом теле, с чужим именем и чужими долгами. И, судя по всему, это только начало.

— Ну что, — тихо сказала я себе. — Пошли разбираться.

И меня повели внутрь.

Глава 8. Дом, новый дом?

Внутри «станции» оказалось именно так, как я и представляла: холодно, строго и с таким выражением лица у стен, будто они уже устали слушать чужие оправдания.

Каменный пол, деревянные столы, несколько лавок, у стены — стойка, за которой сидел мужчина и что-то записывал в толстую книгу, перелистывая страницы с тем видом, с каким обычно листают чью-то судьбу. В воздухе пахло чернилами, сыростью и чем-то металлическим, не то железом, не то просто старыми решетками.

Меня провели внутрь, не дергая, не толкая, но и не давая возможности остановиться и осмотреться в своем темпе. Я все равно пыталась — цеплялась взглядом за детали, как будто от этого зависело, насколько быстро я пойму, куда меня занесло окончательно.

— Имя, — бросил тот, что сидел за столом, не поднимая головы.

Я открыла рот, чтобы ответить, но сержант опередил меня:

— Графиня Корделия Марлоу-Сэндклифф.

Перо на секунду замерло, потом снова закрипело по бумаге.

— Приведена за неявку, — добавил он. — Третье уведомление проигнорировано.

Я подняла брови:

— Слушайте, вы это так уверенно повторяете, будто я лично решила игнорировать ваши письма из принципа. Я вам еще раз говорю: я ничего не получала.

Теперь на меня все-таки посмотрели. Не с интересом, не с удивлением — скорее с тем видом, с каким взрослые смотрят на ребенка, который пытается доказать, что не он разбил вазу, хотя вокруг одни осколки и его отпечатки пальцев.

— Миледи, — спокойно сказал мужчина за столом, — город направлял вам уведомления в установленном порядке.

— Город... — я даже не сразу нашла, что ответить. — Простите, а город у нас теперь занимается рассылкой угроз?

— Это не угроза, — вмешался сержант. — Это предписание.

— А звучит как «мы три раза пытались вас найти, теперь пришли сами», — буркнула я. Он проигнорировал мой комментарий, как и все предыдущие.

— Срок выплаты истек, — продолжил он. — Вам предоставлялась отсрочка.

Я нахмурилась:

— Какой выплаты?

Вот тут в комнате стало чуть тише. Не потому, что я сказала что-то громкое, а потому, что, кажется, сказала что-то совсем не то.

— Долг перед городом, — произнес мужчина за столом медленно, будто проверяя, понимаю ли я слова. — Вы уведомлены о сумме и условиях погашения.

— Нет, не уведомлена, — я скрестила руки на груди. — Я вообще впервые слышу, что я кому-то что-то должна. Вы уверены, что не перепутали меня с какой-нибудь другой графиней? Может, у вас тут их много бегают, игнорирует повестки и накапливает долги?

Констебли позади меня чуть сдвинулись, и это движение было едва заметным, но очень выразительным.

— Ваша подпись, миледи, — сказал мужчина и развернул книгу ко мне.

Я наклонилась. На странице действительно было имя. Длинное, с росчерком, аккуратное, явно написанное рукой человека, который привык подписывать бумаги.

Корделия Марлоу-Сэндклифф.

Я уставилась на него несколько секунд, потом выпрямилась.

— Отлично, — сказала я. — Значит, у меня еще и подпись есть. Прекрасно. Осталось только понять, когда именно я это подписала, потому что я, напомним, вчера очнулась на камнях и до этого момента вообще не знала, как меня зовут.

— Миледи, — голос сержанта стал чуть жестче, — это не предмет для шуток.

— А я и не шучу, — резко ответила я. — Я пытаюсь вам объяснить, что вы сейчас разговариваете не с той женщиной, которую, как вам кажется, знаете.

Он посмотрел на меня внимательно, и на секунду мне даже показалось, что в его взгляде мелькнуло сомнение.

Но только на секунду.

— Все это вы можете изложить инспектору, — сказал он. — Когда вас пригласят.

— Когда пригласят? — переспросила я. — А сейчас что?

Он чуть повернул голову, и один из констеблей сделал шаг вперед.

— До выяснения обстоятельств вы будете помещены в камеру.

Я замерла.

— В какую камеру?

— В камеру предварительного содержания, — спокойно уточнил мужчина за столом, снова опуская взгляд в книгу.

— Подождите, — я подняла руки. — Вы сейчас серьезно собираетесь меня закрыть? За что? За то, что я не пришла на встречу, о которой не знала?

— За нарушение предписания, — ответил сержант. — И уклонение от явки.

— Да я не уклонялась, я... — я запнулась и резко выдохнула. — Я вообще не отсюда!

Это прозвучало громче, чем я планировала.

В комнате повисла тишина.

Мужчина за столом медленно поднял голову.

Констебли переглянулись.

Сержант посмотрел на меня так, будто окончательно принял решение.

— Провести, — коротко сказал он.

— Да вы издеваетесь, — выдохнула я. — Я вам сейчас честно говорю, что не понимаю, что происходит, а вы...

Меня не стали хватать или тащить, но один из констеблей уже стоял рядом, чуть ближе, чем нужно для вежливого сопровождения.

Намек был более чем понятный.

— Прекрасно, — пробормотала я. — Отличное начало дня. Ноль информации, максимум доверия.

Мы прошли по узкому коридору, где стало заметно холоднее. Света было меньше, воздух — тяжелее, и запах сырости стал ощутимее.

Дверь впереди скрипнула, когда ее открыли.

— Прошу, миледи, — сказал констебль.

Я заглянула внутрь.

Комната — если это вообще можно было так назвать — представляла собой каменный закуток с узким окном под самым потолком. Внутри стояла лавка, на полу — грубая солома, и больше ничего.

Вообще ничего.

Ни стола, ни стула, ни даже намека на комфорт.

— Вы серьезно? — спросила я, не двигаясь с места. — Это и есть ваш «номер люкс»?

— Временное содержание, — ответил он.

— Угу. Темница с элементами минимализма.

Я сделала шаг внутрь, потому что выбора, по сути, не было, и обернулась.

— И сколько мне тут сидеть?

— До распоряжения, — сказал констебль.

— Очень информативно.

Дверь закрылась.

Снаружи щелкнул замок.

Я осталась одна.

Несколько секунд я просто стояла, глядя на каменные стены, потом медленно опустилась на лавку и провела рукой по лицу.

— Отлично, — тихо сказала я. — Просто отлично.

Вчера я вытаскивала людей из воды.

Сегодня меня саму куда-то заперли.

И, судя по всему, это только начало.

Глава 9. Вскормленный орел и другая классика

Сначала я попыталась считать время, потому что это казалось самым разумным, что можно сделать, оказавшись в каменной коробке без часов, телефона и какого-либо намека на нормальную жизнь.

Ориентиры здесь были предельно простые: свет в маленьком окне под потолком означал день, его отсутствие — вечер или ночь, а редкие визиты констеблей с едой должны были, по идее, помогать держаться за какое-то подобие расписания. Очень быстро выяснилось, что расписания как такового не существует, и мой план рассыпался так же легко, как все остальное в этой новой жизни.

Первую миску мне принесли почти сразу после того, как закрыли дверь. Констебль открыл ее ровно настолько, чтобы поставить еду внутрь, не переступая порог, и так же молча ушел, как будто разговоры с арестантами не входили в его обязанности или просто не представляли никакой ценности.

Я подошла ближе, присела на лавку и осторожно заглянула в миску. Внутри оказалось что-то густое и теплое, пахнущее мясом, луком и чем-то еще, что я не смогла сразу определить, но что явно было съедобным и даже, возможно, вкусным.

Сначала я попробовала осторожно, почти настороженно, но уже через пару ложек поняла, что голод сильнее любых сомнений. Похлебка оказалась простой, но сытной, хлеб — плотным и чуть подсохшим, но ароматным настолько, что я не оставила ни крошки, и только когда миска опустела, я поймала себя на том, что ела слишком быстро, будто боялась, что у меня это сейчас отнимут.

Это ощущение мне не понравилось.

Я поставила пустую миску на пол, взяла кружку с водой и сделала несколько глотков, стараясь немного замедлиться и привести мысли в порядок. Каменная стена за спиной была холодной, и это неожиданно помогало — как и на воде, холод собирал меня быстрее, чем любые попытки логически все разобрать.

Я закрыла глаза на несколько секунд, а потом начала мысленно раскладывать ситуацию по пунктам, потому что иначе рисковала просто утонуть в собственных догадках.

Факты выглядели примерно так: меня зовут Корделия Марлоу-Сэндклифф, у меня есть долги перед городом, о которых я ничего не помню, и я трижды была замужем, если верить обрывкам разговоров, услышанных в замке. В данный момент я сижу в камере за то, что не явилась туда, куда, по версии местной власти, должна была явиться, и никто особенно не заинтересован в том, чтобы выслушать мою версию событий.

Я тихо выдохнула и открыла глаза.

Сама формулировка «моя версия событий» звучала довольно иронично, учитывая, что никакой версии у меня, по сути, не было.

Я встала, прошлась по камере, насколько позволяли размеры, и остановилась под окном. До него было не дотянуться — слишком высоко, и единственное, что оно давало, это полоску света и кусок серого неба, такого же тяжелого, как море, которое я видела накануне.

Мысль о море вернулась неожиданно остро.

Я опустила взгляд на свои ноги, на перевязку, на обычную кожу, и на секунду задержалась, пытаюсь понять, было ли все это ночью — хвост, чешуя, возможность дышать под водой — реальностью или все-таки следствием удара и стресса.

Ответа не было.

Я вернулась к лавке, села и попыталась устроиться так, чтобы хоть немного отдохнуть. Лечь оказалось почти бесполезно: тело вроде бы расслаблялось, но голова продолжала работать, перебирая варианты, возвращаясь к одним и тем же мыслям и отказываясь отпустить.

Сон пришел рывками, если это вообще можно было назвать сном. Это было больше похоже на то состояние, когда ты засыпаешь в самолете на двадцать минут, просыпаешься разбитым и не понимаешь, прошло ли пять минут или два часа.

Когда я открыла глаза, свет в окне уже изменился. Он стал мягче, тени вытянулись, и я поняла, что день постепенно заканчивается, хотя ощущение времени все равно оставалось размытым.

Вторую порцию еды принесли в полумраке. Все прошло по той же схеме: дверь приоткрылась, миска и кружка оказались на полу, констебль уже собирался уходить, когда я все-таки решила попробовать.

— Слушайте, а вы вообще разговариваете? — спросила я, глядя на него.

Он задержался на секунду, словно оценивая, стоит ли отвечать.

— Вам передадут распоряжение, миледи, — сказал он наконец.

— Какое распоряжение? — уточнила я.

— Когда будет принято решение.

Я вздохнула.

— То есть пока что я просто сижу и жду?

— Да, миледи.

Ответ был короткий, но хотя бы честный.

— Замечательно, — пробормотала я. — Мой любимый формат взаимодействия с реальностью.

Он закрыл дверь, и я снова осталась одна.

Еда во второй раз оказалась почти такой же, и я снова съела все, потому что альтернативы не было, а организм явно решил, что сейчас лучше не спорить с обстоятельствами.

Ночь пришла быстро. Свет в окне исчез, и камера погрузилась в ту странную полутьму, в которой предметы еще видны, но уже теряют четкость. Из коридора доносились шаги, редкие голоса и металлические звуки, которые неприятно отдавались где-то внутри, хотя я и пыталась убедить себя, что это просто двери и замки.

Я сидела, подтянув колени к груди, и старалась не уходить в панику, потому что это было самым бесполезным, что можно было сделать в данной ситуации.

Вместо этого я снова вернулась к мыслям о том, кем была эта женщина до меня.

Слуги говорили, что она исчезает. Говорили о море так, будто это для нее не просто пейзаж, а что-то большее. И если сложить это с тем, что я видела ночью, получалась картина, которая мне совершенно не нравилась.

Это была не просто графиня с долгами.

Это была графиня, о которой говорили вполголоса.

Я выдохнула и прислонилась к стене.

Сон в эту ночь тоже оказался рваным и неглубоким, и когда я открыла глаза снова, свет уже вернулся.

Второе утро.

Мысль об этом пришла не сразу, но, когда пришла, заставила меня сесть ровнее.

Значит, я здесь уже больше суток.

Еду приносили еще несколько раз, и каждый раз я пыталась задать хоть какой-то вопрос, но ответы оставались одинаково короткими и бесполезными. В какой-то момент я перестала спрашивать и просто наблюдала, пытаясь запомнить лица, манеру говорить, мелочи, которые могли пригодиться позже.

День тянулся медленно, вязко, как вода перед штормом.

Я ходила по камере, садилась, вставала, снова садилась, считала шаги, пыталась вслух проговаривать возможные варианты развития событий и сразу же отбрасывала их как слишком оптимистичные или слишком мрачные.

Версия с потерей памяти казалась самой разумной, потому что она, по крайней мере, объясняла мое поведение и давала время.

— Я ничего не помню, — тихо сказала я, проверяя, как это звучит. — Ни долгов, ни мужей, ни повесток.

Звучало достаточно убедительно.

Потому что это было правдой.

К вечеру второго дня камера перестала казаться чужой, и это было, пожалуй, самым тревожным открытием.

Я села на лавку и провела рукой по лицу, стараясь не застревать в этом ощущении.

— Как только меня отсюда вытащат, — сказала я, медленно, почти по пунктам, — мне нужно понять три вещи.

Я загнула пальцы.

Во-первых, сколько именно я должна и кому.

Во-вторых, кем была эта женщина до меня и почему ее так бояться.

И, в-третьих, как из всего этого выбраться, желательно не угробив себя в процессе.

Я выдохнула и закрыла глаза.

Именно в этот момент в коридоре раздались шаги.

Они отличались от тех, к которым я уже успела привыкнуть: более уверенные, более быстрые, и в них не было той механической усталости, которая слышалась у констеблей.

Я открыла глаза и выпрямилась, уже не притворяясь, что мне все равно.

Потому что на этот раз мне почему-то показалось, что это пришли не просто принести еду.

Глава 10. Герой не моего романа

Шаги остановились прямо у моей двери.

Я не сразу встала, хотя внутри уже все сжалось в ту самую пружину, которая обычно срабатывала перед сложным заплывом. Вместо этого я медленно выпрямилась на лавке, провела рукой по волосам и постаралась придать себе максимально нейтральный вид, насколько это вообще возможно в камере с соломой и после двух ночей, которые трудно было назвать отдыхом.

Замок щелкнул.

Дверь открылась.

На пороге стоял не тот констебль, который приносил еду.

И не сержант.

Этот человек выглядел иначе — не ярче, не богаче одетым, но собраннее. В его движениях не было ни той механической усталости, ни раздражения, которое я уже успела запомнить. Он просто стоял, спокойно, уверенно, словно все происходящее вокруг было частью его обычного дня, и именно это почему-то насторожило сильнее всего.

За его спиной маячил знакомый констебль, тот самый, что закрывал меня здесь, но теперь он держался чуть дальше, почти как сопровождающий, а не как главный участник процесса.

— Миледи, — сказал мужчина на пороге, и голос у него оказался спокойным, без нажима, но с той интонацией, которую сложно игнорировать. — Прошу прощения за доставленные неудобства.

Я моргнула.

— Это вы сейчас про что именно? — уточнила я. — Про камеру, про сервис или про общий уровень гостеприимства?

Констебль за его спиной чуть заметно дернулся, но мужчина передо мной даже не улыбнулся, хотя в его взгляде мелькнуло что-то вроде интереса.

— Про все сразу, — ответил он. — Инспектор Оуэн Блейквелл.

Он слегка склонил голову, не вежливо и не холодно, а как будто фиксируя факт знакомства.

Я кивнула.

— Аня, — сказала я автоматически, потом на секунду замялась и добавила: — В смысле... да, графиня. Как выяснилось.

Он не стал это комментировать, но взгляд стал чуть внимательнее.

— Вас не должны были удерживать здесь так долго, — продолжил он, уже обращаясь не ко мне, а к констеблю. — И уж точно не без объяснений.

— Сержант Бриггс действовал по предписанию, сэр, — быстро ответил тот.

— Я не спрашивал, по чему он действовал, — спокойно сказал инспектор. — Я говорю о том, как это было сделано.

В его голосе не было повышения тона, но после этих слов в коридоре стало заметно тише.

Я перевела взгляд с одного на другого и тихо хмыкнула:

— О, так у вас тут еще и внутренняя проверка началась. Я, получается, удачно попала.

Инспектор снова посмотрел на меня, и на этот раз в его глазах явно промелькнула тень иронии.

— В некотором смысле, — сказал он. — Вы можете выйти, миледи.

Он сделал шаг в сторону, освобождая проход.

Я не сразу поднялась, потому что тело после долгого сидения отозвалось неприятной тяжестью, но все-таки встала и подошла к двери. На секунду остановилась у порога, глядя на него.

— Это сейчас официальный жест доброй воли или меня просто переводят в камеру лучше? — уточнила я.

— Это приглашение поговорить, — ответил он. — В более подходящих условиях.

— Уже звучит подозрительно приятно.

— Не переживайте, — спокойно сказал он. — Разочарование еще впереди.

Я фыркнула и вышла в коридор.

Воздух снаружи показался неожиданно свежим, даже несмотря на сырость, и я поймала себя на том, что просто стою и дышу, как будто только что вынырнула после слишком долгого заплыва.

— Сюда, пожалуйста, — сказал инспектор, уже разворачиваясь.

Мы пошли по коридору, и я автоматически отметила, что теперь он идет впереди, а констебль — чуть позади, как будто расстановка сил изменилась, и это было заметно даже без объяснений.

— Надеюсь, у вас там хотя бы есть чай, — пробормотала я, когда мы свернули за угол. — Потому что после вашего гостеприимства мне срочно нужен хоть какой-то символ нормальной жизни.

— Чай есть, — ответил он. — В этом вы можете не сомневаться.

— Уже лучше.

Мы остановились у двери, гораздо более приличной, чем та, за которой я провела последние сутки. Он открыл ее сам, пропуская меня внутрь, и я на секунду замерла на пороге.

Комната была небольшой, но аккуратной: стол, два стула, окно, через которое пробивался свет, и, самое главное, чайник, из которого поднимался пар.

Я перевела взгляд на инспектора.

— Ну надо же, — сказала я. — А вы точно из той же организации?

Он закрыл дверь и жестом указал на стул:

— Садитесь, миледи. Нам есть что обсудить.

Я села, не отрывая от него взгляда, и только тогда поняла, что разговор, ради которого меня вытащили из камеры, скорее всего, будет куда менее приятным, чем чай, который к нему прилагается.

Я села, подтянув полы пальто, и постаралась устроиться так, чтобы выглядеть не как человек, только что вытасченный из камеры, а хотя бы как та самая графиня, за которую меня здесь все принимают. Получалось, честно говоря, не очень, но выбора у меня все равно не было.

Инспектор занял место напротив, не торопясь, словно этот разговор не требовал спешки. Он налил чай в две кружки — простые, без изысков, но чистые, и поставил одну передо мной.

— Благодарю, — сказала я, хотя на самом деле в этот момент готова была поблагодарить кого угодно за то, что меня не оставили в каменной коробке еще на сутки.

Я взяла чашку обеими руками. Тепло оказалось неожиданно приятным, почти успокаивающим, и на секунду мне захотелось просто сидеть молча и делать вид, что все это — странный, но терпимый день.

Не вышло.

— Итак, — начал он, наблюдая за мной с тем самым внимательным выражением, которое я уже успела запомнить, — вы утверждаете, что не помните ни повесток, ни обстоятельств, которые привели вас сюда.

— Я не утверждаю, — спокойно ответила я. — Я сообщаю факт. Я действительно ничего не помню.

Он чуть склонил голову, словно примеряя мои слова на какую-то внутреннюю шкалу.

— Даже этого? — он кивнул на книгу, лежащую на столе.

Я проследила за его взглядом:

— Даже этого.

— И это не помните? — он чуть повернул страницу, показывая записи.

— Нет.

— И даже сумму долга?

Я пожала плечами:

— Особенно сумму долга. Обычно такие вещи запоминаются, если их знаешь.

Он выдержал паузу:

— Любопытно.

— Мне тоже, — кивнула я. — Я бы с удовольствием послушала.

Он не улыбнулся, но уголок губ чуть дернулся, будто мысль о том, что я действительно могу не знать, показалась ему... не совсем абсурдной.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Допустим, мы принимаем вашу версию за рабочую.

— Это уже звучит как прогресс.

— В таком случае, начнем с простого, — он откинулся на спинку стула. — Вы помните, сколько раз были замужем, миледи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.